

На правах рукописи

Габидуллин Равиль Ревкатович

**Татарская «лагерная проза» во второй
половине XX века: жанровая типология и
поэтика**

Специальность 10.01.02 – литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань - 2009

Диссертация выполнена на кафедре методики преподавания и современной татарской литературы ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Галиуллин Талгат Набиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Галимуллин Фоат Галимуллович

кандидат филологических наук,
доцент
Даутов Гумер Филгизович

Ведущая организация: Институт языка, литературы и искусств
им. Г. Ибрагимова АН РТ

Защита диссертации состоится «16» апреля 2009 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп.2, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского государственного университета <http://www.ksu.ru>

Автореферат разослан «_____» марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Юсупова А.Ш.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Вторая половина XX века с ее кардинальными изменениями в жизни и сознании общества привела к поиску новых методов, стилей и направлений в литературе. Этот процесс обозначился и в определенной степени был подготовлен «оттепелью» в общественно-политической жизни страны в начале 60-х годов, когда проявилось стремление к раскрытию реальной картины эпохи тоталитаризма, обусловившее усиление внимания к истории и личности. Литературные произведения данного периода отличаются пестротой различных направлений и течений, отсутствием былой иерархичности. В этих условиях одной из насущных задач, стоящих перед литературоведческой наукой, является поиск оптимальных подходов для изучения различных тематических, стилистических направлений, художественных течений, жанровых образований в литературе.

Одним из наиболее значительных и ярких явлений литературы второй половины XX века явилась так называемая «лагерная проза» — явление уникальное не только в российской, но и в мировой литературе. Она порождена напряженным духовным стремлением осмыслить итоги катастрофических событий, происходивших в стране на протяжении XX столетия. Отсюда и тот нравственно-философский потенциал, который заключен в книгах бывших узников ГУЛАГа, чей личный творческий опыт позволил им не только запечатлеть ужас сталинских застенков, но и затронуть «вечные» проблемы человеческого существования. В истории татарской литературы «лагерная проза» представлена именами таких талантливых писателей как И. Салахов, А. Гилязов, Г. Тавлин и др. Творчество этих писателей дополняется произведениями других художников слова, так или иначе осветивших запретную до перестроечных времен тему (Г. Ахунов «Дочь Волги», М. Хасанов «Зарница», Р.Карам «Проклятые этапы» и др.). Появление произведений такого рода позволило не только проследить героическое и трагическое в жизни отдельного человека, представителя конкретного

поколения, но и дало возможность заполнить пробел при отсутствии правдивых обобщающих работ по истории советского общества и отдельных наций.

В 70-е годы данное направление приобрело особую гносеологическую и коммуникативную значимость. В условиях отсутствия свободы слова лагерная проза стала одной из немногих «отдушин», позволяющих через осмысление и обобщение личных судеб размышлять о прошлом и настоящем своего народа, задуматься о его будущем. Однако научное осмысление произведений лагерной прозы явно отстает от практики создания самих текстов. Появление таких сочинений в основном провоцировало полемику вокруг вопроса о соответствии-несоответствии их содержания реальным фактам. Критики упускали из виду, что буквализм, фотографичность не являются неоспоримыми достоинствами литературного произведения, которое неизбежно тяготеет к показу сущностных проявлений жизненного процесса, следовательно, отталкиваясь от правды единичного, автор вступает на путь правдоподобия – обобщения, типизации реальности. Такое представление о возможностях лагерной прозы пробивает себе дорогу в исследованиях конца XX века.

Актуальность предлагаемого нами исследования обусловлена назревшей необходимостью более глубокого осмысления особенностей становления, жанрового своеобразия и поэтики татарской «лагерной прозы» 60-90-х годов XX века. Нам представляется возможным и научно значимым сопоставить знаковые произведения писателей второй половины XX века, найти общие точки соприкосновения и определить их место в литературном процессе постсоветского периода.

Состояние изученности темы. В русском литературоведении проблемы лагерной прозы оказывались в центре внимания ученых раньше, ими были исследованы многие аспекты данного направления литературы. В этих работах были отмечены общие положения и состояние “лагерной прозы”, исследованы

поэтика и проблематика текстов, а также уделено внимание проблеме становления и эволюции лагерной прозы.¹

В татарском литературоведении с некоторым опозданием также были предприняты попытки дать оценку отдельным произведениям «лагерной прозы». Однако нельзя утверждать, что она стала объектом специальных научных исследований, хотя и имеются публикации ученых-литературоведов, в которых затронуты некоторые тенденции развития данного направления.² Эти исследования не исчерпывают всей глубины вопроса, поэтому в татарской литературоведческой науке проблема становления лагерной прозы остается открытой и требует более детального монографического рассмотрения.

Целью диссертационного исследования является исследование особенностей поэтики и жанрового своеобразия «лагерной прозы». Исходя из цели работы, определяются следующие **задачи**:

- обобщить и систематизировать теоретический материал по проблемам лагерной прозы;
- проследить модификации жанровой системы татарской «лагерной прозы» второй половины XX века;

¹ Васильева О.В. Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50-80-х годов / О.В. Васильева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.2. Вып. 4. - 1996. - С. 54-63; Малова Ю.В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX - XX вв. / Ю.В. Малова. - Автореф. дис. канд. филол. наук. - Саранск, 2003. - 23 с.; Некрасова И.А. Варлам Шаламов - прозаик (Поэтика и проблематика) / И.А. Некрасова. - Автореф. дис. канд. филол. наук. - Самара, 1995. - 15 с.; Сохряков Ю. Нравственные уроки «лагерной прозы» / Ю. Сохряков // Москва. - 1993. - № 1. - С. 175-183; Тимофеев Л. Поэтика лагерной прозы: Первое чтение «Колымских рассказов» В. Шаламова / Л. Тимофеев // Октябрь. - 1991 - №3. - С. 182-195.

² Ахунов Г. Язымыштан узмыш / Г. Ахунов // Социалистик Татарстан. - 1991. - 6 сентябрь; Галимуллин Ф. Алсу таңнар телибез, аксакал / Ф. Галимуллин // Шәһри Казан. - 1996. - 9 август; Галимуллин Ф. Калыпларга сыймый ул / Ф. Галимуллин // Мәгърифәт. - 1998. - 11 июль; Галимуллин Ф. Тапталган яшьлек белән очрашу / Ф. Галимуллин // Мәгърифәт. - 1998. - 11 июль; Госман Х. Онытылмас остазыбыз / Х. Госман // Казан утлары. - 1977. - № 7. - Б. 168-172; Гыйләжев А. Жан авазы / А. Гыйләжев // Социалистик Татарстан. - 1989. - 26 февраль; Минһаҗева Л.И. И. Салахов: тормышы һәм эшчәнлеге / Л.И. Минһаҗева. - Казан: Матбугат йорты, 1999. - 176 б.; Миңнуллин Ф. Кичермәсләр безне, кичермәсләр / Ф. Миңнуллин // Затлылык. Әдәби-тәнкыйть мәкаләләре. - Казан: Тат. кит. нәшр., 1989; Сәхәпов Ә. Милләт язмышы / Ә. Сәхәпов // Мирас. - 2004. - № 6, 7. - С. 123-155, 138-158.

- исследовать поэтику «лагерной прозы» с выделением ее идейно-тематических, стилистических особенностей;

- изучить средства художественной выразительности и изобразительности (сюжетно-композиционные приемы, систему образов, средства художественной речи);

- раскрыть особенности развития исследуемого направления в 60-90-е годы XX века через всесторонний анализ отдельных произведений.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в татарском литературоведении комплексно исследуется развитие татарской лагерной прозы во второй половине XX века. В работе выявлены тенденции и факторы, которые обусловили формирование лагерной прозы, определены ее художественные особенности, охарактеризованы знаковые черты татарской лагерной прозы указанного периода.

Предмет работы – поэтика и динамика жанровых форм татарской «лагерной прозы» второй половины XX века.

Объектом исследования является татарская лагерная проза второй половины XX века. Для текстового анализа были выбраны наиболее зрелые произведения данного периода, а именно «Рассказы Колымы» И. Салахова, «Давайте, помолимся!» А. Гилязова, «Катастрофа» Г. Тавлина.

Теоретической основой данного диссертационного исследования послужили труды историков культуры и литературы М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана и др.¹

В работе учтены подходы к явлениям русской и татарской прозы XX века представителей разных литературоведческих школ и направлений (Б.О.

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. - М., 1975; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М.: Искусство, 1986; Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988; Лотман Ю.М. Беседы о русской литературе / Ю.М. Лотман. - СПб.: Искусство, 1994; Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. - М., 1989; Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература / Д.С. Лихачев. – Л.: Сов. писатель, 1981.

Корман, Н.Л. Лейдерман, Л.Я. Гинзбург, Н.Д. Тамарченко, Л.В. Чернец, Д.Ф. Загидуллина, Ф.Г.Галимуллин, Ф.М. Хатилов, Ф. Мусин и др.¹).

Методика исследования базируется на принципах системно-целостного анализа художественной структуры произведения, сочетающего элементы исторического и сравнительно-сопоставительного методов исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Во второй половине XX века историко-культурными предпосылками возникновения «лагерной прозы» являются стремление осмыслить итоги катастрофических событий, происходивших в стране на протяжении XX столетия и затронуть «вечные проблемы» человеческого существования.

2. По своим сущностным характеристикам произведения татарской «лагерной прозы» (И. Салахов, Г. Тавлин, А. Гилязов) принадлежат к жанровой разновидности мемуарной литературы - роману-хронике, роману-воспоминанию, а также жанру классического романа.

3. В романе-хронике И. Салахова наблюдается сосуществование автобиографической и исторической линий, подчинение сюжета общему поступательному движению времени, чередование разновременных пластов. В романе-воспоминании А. Гилязова усиливается динамика сюжетного развития, события сохраняют видимость сиюминутного движения и излагаются в порядке воспоминаний писателя. Роман-трилогия Г. Тавлина воссоздает историю жизни

¹ Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. - М., 1972; Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: 1950 - 1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. - Т. 2: 1968 - 1990. - М.: Издательский центр "Академия", 2003; Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности / Л.Я. Гинзбург. - Л.: Сов. писатель, 1987; Гинзбург Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. - Л.: Сов. писатель, 1979; Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра / Н.Д. Тамарченко. - М., 1997; Загидуллина Д.Ф. Татар әдәбияты: Теория. Тарих / Д.Ф. Загидуллина, Ә.М. Закиржанов, Т.Ш.Гыйләжев. - Казан: Мәгариф, 2004; Загидуллина Д.Ф. Яңа дулкында (1980-2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык) / Д.Ф. Загидуллина. - Казан: Мәгариф, 2006; Әдәбият белеме: Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. - Казан: Мәгариф, 2007; Хатилов Ф.М. Духовный мир героя / Ф.М. Хатилов. - Казань: Таткнигоиздат, 1985; Мусин Ф. Тарих һәм заман / Ф. Мусин. - Казан: Тат. кит. нәшр., 1974.

главного героя, расширяет биографическое пространство, органически связанное с движением времени.

4. Одним из основных образов в произведениях И. Салахова и А. Гилязова является образ автобиографического героя - рассказчика и действующего лица произведения, саморефлексия которого достигается через психологизм, внешние впечатления, описания других лиц, внутренние и метафорические жесты, воспоминания о пережитом. В романе-трилогии Г. Тавлин прибегает к приему раздвоения главного героя, цельный образ которого формируется из двух ипостасей: постепенно взрослеющего Ирека и студента Ирека Кадыйрова - нарратора, который поясняет, комментирует и оценивает события собственного детства и молодости.

5. Для татарской «лагерной прозе» второй половины XX века характерно изменение образной системы. В романе-хронике образ рассказчика дополняется целой галереей персонажей - современников автора (исторические личности, ставшие знаковыми фигурами своего времени, и рядовые люди, сопричастные к жизни автора). Образный ряд в романе-воспоминании являет собой сложное сочетание конкретных образов (персонажи, действующие лица, возникающие в авторских описаниях, образ автора) и образов-типов (представители различных категорий заключенных, представляющих собой одну из прослоек советского общества). В романе-трилогии действующие лица в зависимости от характера поступков образуют систему положительных и отрицательных персонажей, критерием оценки которых становится человечность, отношение к своим соотечественникам.

Научно-практическая ценность диссертации заключается в том, что ее результаты могут послужить для разработки лекционных курсов, семинарских и практических занятий по истории татарской литературы, для чтения спецкурсов, а также дальнейших научных исследований по филологии.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в выступлениях и докладах на научно-практических конференциях, на

итоговых конференциях Казанского государственного университета (2007, 2008, 2009), отражены в 3 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, его теоретико-методологическая база, методика анализа, характеризуется состояние изученности проблемы, излагается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава, названная **«Художественное своеобразие романа-хроники И. Салахова «Колыма хикялэре» («Рассказы Колымы)»**, в целях дифференциации художественного материала, конкретизации наблюдений и выводов разбита на три взаимосвязанных раздела.

В первом разделе **«История создания и жизненная основа романа-хроники»** в контексте с конкретными историческими условиями исследуются художественные особенности произведения И. Салахова «Колыма хикялэре».

Каждая историческая эпоха, продолжая и суммируя накопленные традиции, создает свои философско-эстетические ценности, которые определяют степень художественности и зрелости данной литературы. Такие произведения одновременно являются главной книгой того или иного автора, вершиной его таланта, во многих случаях итогом его жизни. Роман «Колыма хикялэре» (1956 - 1988) является именно таким произведением и становится крупным событием в татарской литературе. И. Салахов приступает к созданию этого произведения, имея за плечами богатый жизненный опыт и многие годы творчества. Продуманное и осознанное отношение к прошлому и настоящему, умение предвидеть будущее определяют горизонты таланта, глубину образного мышления писателя.

Роман И. Салахова «Колыма хикэялэре» можно считать своеобразным итогом его многолетних литературных исканий и переживаний. Здесь писатель не только описывает тюремную действительность, бесправие народов, но и выносит суровый приговор антинародному сталинскому режиму. Несмотря на то что, роман был написан писателем в 50-е годы XX века, он стал достоянием общественности спустя десятилетия после трагедии. Произведение впервые увидело свет в журнале «Казан утлары» (1988) под названием «Тайгак кичү» («Скользкий переход») и вызвало огромный общественный резонанс. В 1991 году роман был переведен на русский язык. В отличие от оригинала, русское издание обогатилось еще одной главой, в которой даются воспоминания автора, его ответы на многочисленные вопросы читателей.

Роман «Колыма хикэялэре» проходит долгий и тернистый путь от безызвестности до принятия его общественностью и учеными. В произведении раскрывается трагедия не только одного человека - автора, но и трагедия народов и целой эпохи. Писатель посредством слов и образов раскрывает историческую действительность, а также дает оценку обществу того времени, что позволяет по-другому взглянуть на темные вехи нашей истории. Повышенный интерес вызывает реальная основа произведения, в то же время художественная интерпретация реальности способствует усилению его эстетического воздействия.

Во втором разделе ***«Жанровые и поэтические особенности произведения»*** определяется жанровая принадлежность произведения и арсенал изобразительно-выразительных средств.

В критике было немало суждений о жанре «Колыма хикэялэре». В данном научном труде была предпринята попытка определить жанр произведения на основе критических высказываний Ф. Миннуллина, Г. Ахунова, Л. Мингазовой, А. Яхина, А. Сахапова, которые в работе подробно проанализированы.

Жанровая принадлежность произведения нами определена как роман-хроника, так как он охватывает большой исторический период, соотносящийся

с жизнью автора, включает в себя совокупность больших и малых жизненных явлений, создает целостную, объемную картину исторической и бытовой жизни, отражает судьбу нации и отдельного индивидуума (в лице автора и его персонажей). По мнению Т.Г. Симоновой, именно такой тип повествования характерен для романа-хроники. Роман-хроника тяготеет к повествовательной манере письма, которая выдерживается на протяжении всего произведения, подчас прерываемая диалогами, которые в данном контексте не воспринимаются как прием беллетризации, а как введенная в авторский рассказ документальная подробность, отражающая тот или иной факт. Следуя мемуарной традиции, роман-хроника носит повествовательный характер, беллетризованные эпизоды в него включаются редко, имеют вспомогательное значение как иллюстрации к авторскому рассказу.¹

Роман-хроника И. Салахова «Колыма хикэялэре» – произведение широкого тематического и временного диапазона.² Оно вмещает в себя совокупность жизненных впечатлений, оказавшихся в поле зрения автора. Бытие автобиографического героя предстает на широком историческом фоне. Автобиографическая и историческая линии сосуществуют на равных, действительно дополняя одна другую. Основной сюжет подчиняется общему поступательному движению времени, введение дополнительных эпизодов, тематических линий обуславливает временную инверсию – свободное чередование разновременных пластов. В таком произведении автор активно заявляет о себе не только как рассказчик и комментатор, он оказывается главным действующим лицом широко развернутого автобиографического сюжета, охватывающего практически всю его жизнь.

Наиболее ярким структурным компонентом романа-хроники является язык и словесно-образные средства. Язык произведения отличается сочностью, красочностью и служит созданию особого настроения настороженности,

¹ Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: Учеб. пособие / Т.Г.Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. — С. 35.

² Минһажева Л. И.Салахов: Тормышы һәм эшчәнлеге / Л. Минһажева – Казан: Матбугат йорты, 1999. – Б. 176.

сожаления. Именно речь повествователя становится средством оценки событий и их участников. Прямая авторская характеристика и психологический анализ: подробно, в деталях воссоздание чувств, мыслей, побуждений - внутреннего мира персонажа органически сочетаются и дополняют друг друга. Основными компонентами композиции и средствами раскрытия характеров являются диалоги, монологи, действия героев, портрет, художественные приемы (метафоры, повторы, антитезы).

В третьем разделе «*Система образов романа-хроники*» последовательно анализируется система образов данного произведения. В ходе развития сюжета романа проявляются образы героев. Реальные люди, перенесенные памятью писателя на страницы произведения, не утрачивая присущих им качеств, сохраняя черты своего жизненного поведения, превращаются в персонажей, которые действуют в обстоятельствах, предложенных жизнью. Происходит перевоплощение реального человека в художественный образ, подобно тому, как подлинные обстоятельства оказываются источником сюжета. Реальность претерпевает художественную трансформацию и отражается по законам литературного творчества.

Функция автора в «лагерной прозе» акцентирована, а его образ характеризуется двуплановостью. С одной стороны, автор входит в круг персонажей произведения, причем ему отводится главная роль в развивающемся сюжете. С другой стороны, он является создателем художественного целого, восстанавливающим ушедший в прошлое мир. В этом качестве автор столь же активен, как и в роли действующего лица. Образ автора формируется на пересечении двух временных пластов: прошлого и периода создания произведения. В рассматриваемом нами романе автор раскрывается в образе рассказчика, который являясь персонифицированным субъектом изображения, позволяет войти внутрь изображенного мира и взглянуть на события глазами персонажей.¹

¹ Теория литературы: в 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. - М.: Издательский центр «Академия», 2004. - С. 241.

Образ рассказчика дополняется в романе-хронике целой галереей персонажей - современников автора, которых целесообразно рассмотреть, сгруппировав по следующему принципу:

1. Исторические личности, ставшие знаковыми фигурами своего времени (писатели Г. Ибрагимов, Г. Толымбай, Л. Гыйльми, С. Рафиков, литературный критик Г. Нигмати, драматург К. Тинчурин, редактор Г. Гали).

2. Персонажи рядовых людей, сопричастных к жизни автора (попутчики, сокамерники, случайные знакомые, с которыми соприкасался автор).

В романе-хронике И. Салахова «Колыма хикәяләре» автор сам становится главным героем - «носителем концепции всего произведения».¹ Остальные группы персонажей появляются в романе в соответствии с авторским замыслом только в определенное время и разделяются на несколько категорий (второстепенные, эпизодические, называемые). В галерее второстепенных персонажей особый интерес вызывает образ бывшего первого секретаря Бауманского ВКП(б) г. Казани Риаза Алкина, который раскрывается в произведении как характер - сильная личность, человек сильной воли, большой выдержки, убежденный в конечной победе справедливости. Среди второстепенных персонажей образы исторических личностей изображаются посредством их отношений с другими людьми, что позволяет раскрыть человеческую сущность характера великих людей, доселе скрытую от общественности. В противовес им рассказчик создает отрицательные образы прокурора, начальников лагерей, конвоиров. Система образов, созданная в романе, решает две задачи: стремление к многосторонности исследования лагерной жизни и выражение авторской позиции, посредством слияния голосов автора и рассказчика.

Вторая глава **«Роман-воспоминание А. Гилязова «Йәгез, бер дога!» («Давайте, помолимся!»): жанровое и художественное своеобразие»**, состоящая из двух разделов, посвящена анализу этого своеобразного

¹ Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора / Б.О. Корман // Страницы истории русской литературы. - М., 1971. - С.204.

произведения татарской литературы последней четверти XX века - периода, когда жанровый состав произведений «лагерной прозы» претерпевает изменения в соответствии с задумкой писателя.

В первом разделе **«Жанровые и сюжетно-композиционные особенности романа»** рассматривается соотношение художественности и документальности в структуре произведения, жанровые характеристики, особенности композиционного строя.

Исследователи художественно-документальной прозы указывают на то, что в конце XX столетия обозначилось сближение мемуаристики с художественной литературой. Повествовательный элемент оказывается потесненным активностью беллетризации. Жизнь не просто рассказана, описана, но показана посредством воспроизводящих реальность картин, сцен. Усиливается динамика сюжетного развития, события сменяют друг друга не в повествовательном изложении, а сохраняя видимость своего сиюминутного – на глазах читателя – движения.¹ В этих условиях зарождается такая жанровая форма мемуаристики как роман-воспоминание, сохраняющая достоверность первоосновы, несмотря на свободную манеру рассказа.

Выход в свет произведения А. Гилязова «Йәгез, бер дога!» вызвал ряд дискуссий, причиной которых, стало несоответствие произведения классической форме романа. Отражение реальных исторических событий, воспоминания о минувших днях, стремление сохранить прошедшее в личной и читательской памяти, сочетание художественного и документального начал - все это в некоторой степени не вписывалось в жанровые рамки классического романа. На сочетание в произведениях А. Гилязова художественного и документального начал, а также на невозможность оценки его литературного наследия по существующим канонам обратил внимание литературовед Т. Галиуллин.² Оформление воспоминаний как традиционного жанра

¹ Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: Учеб. пособие / Т.Г.Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. — С. 39.

² Галиуллин Т.Н. Киләчәк кешесе / Т.Н. Галиуллин // Шәхесне гасырлар тудыра. Әдәби-тәнкыйть мәкаләләре. - Казан: Тат.кит. нәшр., 2003. - Б. 71.

“вымышленной прозы”, многоплановость действия, масштабность выведенных характеров, движение памяти автора, выхватывающего из глубин прошлого те или иные обстоятельства, сохранение достоверности первоосновы, обращение к историческим документам позволяет определить жанр данного произведения как роман-воспоминание.

Сюжетно-композиционная основа мемуарной прозы варьируется в каждом конкретном случае в зависимости от ряда привходящих обстоятельств, но при этом сохраняются общие тенденции, в которых проступают ведущие признаки жанра. В отличие от классического романа сюжет романа-воспоминания выстроен самой жизнью, и автор не вправе распоряжаться событиями по своему усмотрению, что, однако, вовсе не исключает творческого подхода к изложению фактов прошлого. В произведении происходит отбор жизненного материала в соответствии с индивидуальным авторским видением, а также в связи с теми задачами, которые он ставит. В исследуемом произведении автор ссылается на впечатления очевидцев, упоминает о событиях, свидетелем или участником которых он не был, тем не менее, содержание романа основывается, прежде всего, на отражении лично пережитого и воспринятого им самим.

Роман-воспоминание исследовался нами в двух разрезах: построение сюжета и композиционный строй. Соотношение частей художественного целого предстает как последовательная цепь отдельных глав без названий. Однако каждая глава начинается с афоризма или стихотворных строк, что подготавливает читателя к дальнейшему восприятию материала. Для более полного раскрытия персонажей и основной идеи произведения А. Гилязов обращается к системе интертекстуальных отсылок, вводя в текст романа народные песни, стихотворные строки, неопубликованный рассказ.

Сюжет в романе развивается не прямолинейно, события излагаются в том порядке в каком приходят на память повествователю. На первых страницах произведения ведется рассказ о тюремной жизни, сокамерниках, далее всплывают эпизоды ареста автора. Для наиболее полного отражения картины

того времени автор часто прибегает к лирическим отступлениям: обращается в своих воспоминаниях к детским годам, молодости, размышляет о существующей системе, подкрепляя свои мысли реальными фактами. Органичной частью романа являются документальные источники - выдержки из документов. Введенные в текст повествования эти фрагменты усиливают эффект достоверности, присутствия во времени, о котором идет речь. Документальные вставки соотносятся с авторским повествованием, выступают как аргументация его рассуждений, иллюстрация рассказа. Обращение к историческим документам, принадлежащим советской власти позволяет автору проследить трагическую судьбу государства, подверженного сталинской тирании.

Во втором разделе, названном *«Художественная новизна романа-воспоминания»* исследуются особенности художественной интерпретации образного мира и арсенал художественно-выразительных средств.

В романе-воспоминании А. Гилязова “Йәгез, бер дога!” в связи с сочетанием в сюжете произведения реальных событий и художественной интерпретации изменяется положение описываемых лиц, которые в ряде случаев начинают играть весьма активную роль, превращаясь из объекта описания в субъект, самооценный, действующий в обстоятельствах, предложенных жизнью и воссозданных писателем. Происходит превращение реального человека в литературный образ, правда, особого рода – открыто сохраняющий связь с прототипом, стремящийся максимально точно передать его свойства.

Образный ряд в романе-воспоминании являет собой сложное сочетание конкретных образов (персонажи, действующие лица, возникающие в авторских описаниях и упоминаниях, образ автора) и обобщенных образов, создающих емкое представление о каком-либо понятии или явлении. «Художественное обобщение обладает атомарным строением, т.е. его сложные фигуры построены

из элементарных форм».¹ А. Гилязов в своем произведении преимущественное внимание сосредоточивает на образах-типах - представителях различных категорий заключенных (Кабир Мухамметшин - легионер, служивший в Германии и с трудом вернувшийся на родину; крестьяне, находившиеся в плену во время войны, Исаак Горлицкий - еврей; Кулешев - бывший политический заключенный; Адлер Тимергалин, Фролов, Михаил Хошаба, Гурий Тавлин - студенты), раскрывающих общественно-политическую обстановку 60-х годов XX в., и исполнителях наказаний, которые отличаются примитивностью, необразованностью, низменностью нравов. Не все из них стали действующими персонажами воспоминания, многие даны в более или менее обстоятельном описании автора. Беглость изображения не помешала создать запоминающиеся образы людей, в поведении, судьбе которых проступили закономерности времени и социальной среды. Некоторые лица (Анатолий Рязанов, Авдеев, Сталин, охранники, лагерные начальники) автором лишь упоминаются, однако сами упоминания неслучайны: вырисовывается общая картина переходного времени с его противоречиями, борением идей, мнений, человеческих страстей.

В образный ряд произведения А. Гилязова включается образ автора, которому отводится чрезвычайно важная роль. Этот образ полифункционален. Автор выступает в роли активного создателя художественного целого, восстанавливающего ушедший в прошлое мир, и как участник описываемых событий, являющийся действующим лицом произведения. Образ автора создается взаимодействием двух временных пластов: время, к которому отнесены воспоминания, и время написания воспоминаний, – что обуславливает его очевидную эволюцию. А. Гилязов, показывая характер исторической обстановки 60–70-х годов XX века, пропускает все события сквозь призму собственной жизни. Его восприятие и оценка происходящего доминируют. Установка о том, что писатель - не наблюдатель, а участник драмы жизни, во многом определяют характер произведения. Писатель

¹ Горанов К. Художественный образ и его историческая жизнь / К. Горанов. – М.: Искусство, 1970. – С.145.

отмечает, что власть, избравшая своим орудием насилие, отрицательно влияет на духовный мир человека. Для этого используются выгодные словесно-изобразительные средства: детальное описание, психологизм, портрет, метафоры (солдаты - хищные звери), язык персонажей.

В третьей главе **«Художественный мир романа-трилогии Г. Тавлина «Афэт» («Катастрофа»)**», состоящей из двух разделов, роман анализируется как масштабное произведение “лагерной прозы” 90-х гг., где документальность сопряжена с художественной задумкой автора.¹

Первый раздел **«Сюжетно-композиционные особенности романа-трилогии»** изложены результаты анализа произведения Г. Тавлина «Афэт» в части структуры композиции, поэтики текста и восприятия изображаемого мира, обусловивших достижение эффекта многопланового повествования.

В произведении Г. Тавлина, состоящем из трех романов «Кояштан болытка кергэндә» («От солнца к туче»), «Кара болыт эчендә» («Внутри черной тучи»), «Кара болыт таралгач» («Разогнав облака»), воссоздается история жизни главного героя Ирека Кадыйрова, охватывающая период времени от детских лет, ареста родителей до его освобождения из застенков сталинского лагеря. Расширение биографического пространства (отчий дом - тюрьма, колония - родная деревня) органически связано с движением времени, что позволило автору не только воссоздать процесс духовного становления личности главного героя, но и способствовало созданию широкой общественной панорамы 1930 - 1960-х гг. XX века - периода массового избавления от ярких личностей.

Повествовательная структура произведения строится в форме воспоминаний главного героя, писем от его знакомых, диалогов, что усиливает художественность изложения. Писатель прибегает к приему раздвоения героя, цельный образ которого формируется из двух ипостасей: постепенно взрослеющего Ирека и студента Ирека Кадыйрова – нарратора, который

¹ Галимуллин Ф.Г. Проза жанрының үсеше / Ф.Г.Галимуллин, Т.Н.Галиуллин, Ф.Ә.Ганиева, А.Г.Әхмәдуллин; А.Г. Әхмәдуллин редакциясендә // Әдәбият: 11 сыйныф өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2005. – Б. 298–333.

поясняет, комментирует и оценивает события собственного детства и молодости; позиции последнего в большей степени свойственны «всевидение», обусловленное непосредственным владением информацией.

Повествование объединяется вокруг образа тучи - символа беды, сопровождающей героя на протяжении всей его жизни, что находит отражение и в названиях романов. Большую роль в композиционном строении произведения играют метафоры. Для выражения отрицательного отношения автора к персонажу в текст вводятся прозвища (Хажэр - Бичура (мифологический персонаж), Габбас - дагалы бүре (подкованный волк), Бану - Жамал Гыйбатовна - Хамелеон Гыйбатовна), которые помогают оттенить определенные черты характера персонажей.

Сюжет романа развивается непоследовательно, прерывая повествование, автор переходит от одной темы к другой. Сюжетные линии, связанные с историей заточения Кадырова, его жизнью в деревне, выходом на «волю», в трилогии разворачиваются вокруг одного центра - образа главного героя, который находится в поисках себя и вступает в конфликт с обществом (государством), что характерно для классического романа. Через описание жизненных перепитий Ирека Кадырова происходит переоценка социальных, идеологических представлений и раскрывается проблема свободы личности. При нарушении хронологической последовательности, которая прослеживается в структурной организации повествования, в свои права вступает более сложный принцип повествования, связанный с временной инверсией, с перемежением временных пластов от настоящего к отдаленному или более близкому прошлому. Возникает эффект присутствия во времени, ставшем объектом отражения. Таким образом, совмещение времен происходит не только за счет отдельных упоминаний о современности, но также посредством эмоционального живого рассказа о прошлом.

Во втором разделе *«Система образов романа-трилогии»* исследуются специфические особенности галереи персонажей.

Роман «Афэт» представляет широкую панораму жизни советского общества. В центре внимания автора – проблема личности, исследование сознания «антигероя времени» (по понятиям тоталитарного режима). В романе формируется узнаваемый социальный тип, рожденный в «переломный» период российской истории. Романного героя Г. Тавлина можно охарактеризовать как положительного героя воплотившего идеал настоящего человека, сильного духом, способного на решительные шаги для достижения поставленной цели. Автор в ходе повествования раскрывает судьбу конкретного человека, испытавшего на себе трагедию культа личности, и создает оригинальный образ «героя-интеллигента», объединившего в себе художественное и автобиографическое начала. Посредством данного образа демонстрируется истинное лицо жертв сталинских репрессий, а именно их сила духа, гордость, способность сохранить собственное «я» при любых обстоятельствах.

Действующие лица романа в зависимости от характера поступков образуют систему положительных и отрицательных персонажей, критерием оценки которых становится человечность, отношение к своим соотечественникам. В романе с большой любовью созданы образы отца и матери Кадыйрова (Сабир Кадыйров и Малика апа), ученого Семена Николаевича Никольского, майора Газима Салихова, Оли. Они предстают перед глазами читателя сильными, верными своим идеалам, прямолинейными и честными.

Одной из особенностей романа является обилие в нем эпизодов и действующих лиц, которые появляются на страницах произведения по мере развития событий, что определило неодинаковую степень художественной обрисовки их характеров. Запоминающимися оказываются те из них, кто является непосредственным участником важнейших событий в жизни главного героя. Таковы образы Задэ апа, Камалый бабай, Зиннэт, Ярулла абзый, которые не отвернулись от клейменых членов семьи «врага народа» Сабира Кадыйрова; семейной четы Кэбир - Мэрьям, приютивших сироту Ирека и др.

В романе значительное внимание уделяется обрисовке отрицательных персонажей, являющихся представителями различных социальных слоев, но объединенных низменностью своих побуждений, продажностью натуры. Это прежде всего учительница Һажэр, выгнавшая мальчика из школы после ареста его отца; Җамал Гыйбатовна, ставшая причиной ареста студента Ирека Кадыйрова; студент Риан Саттаров, написавший донос на главного героя и др.

В романе время становится одним из центральных художественных образов, в частности время историческое. Происходящее с героем вписывается в общий исторический контекст. Личное и историческое время переплетены на протяжении всего повествования. Детские впечатления об исторических событиях отличаются простотой восприятия, незамысловатостью, но в то же время включенностью героя в исторический контекст, временные границы которых зависят от значимости для главного героя описываемых событий. Биографическое время главного героя (детство, юность, зрелость) всегда соотносится со временем историческим (эпохой, характеристикой общественной ситуации), а в некоторых эпизодах с автобиографическим временем автора.

Г. Тавлин уделяет важное внимание образам природы. Особый интерес писателя к окружающему миру обусловлен не только осознанием его незаменимой роли в жизни человека и всего общества. Явления природы выполняют и художественно-познавательную, изобразительную функцию. С их помощью автор образно и впечатляюще отражает мысли и переживания героев, картины реальной жизни, одновременно они становятся своеобразным средством характеристики персонажей.

В **заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные результаты:

1. Возникновению «лагерной прозы» в татарской литературе предшествовал длительный период катастрофических событий, происходивших в стране на протяжении XX века. Появление литературных произведений,

освещающих период культа личности, стало не только своеобразной «отдушиной» для писателей, прошедших ужасы лагерей, но и раскрыло глаза общественности, заставив задуматься о прошлом и настоящем народов через осмысление судеб отдельных личностей.

2. Татарская «лагерная проза» второй половины XX века представляла из себя хронику личной жизни, соединенную с исторической летописью. В ней доминировало создание целостной объемной картины исторической и бытовой жизни, отражение судьбы нации и отдельного индивидуума, а также повествовательная и доверительная манера письма, выдерживаемая на протяжении всего произведения. Таким образом, можно отметить, что для «лагерной прозы» этого периода была характерна такая жанровая форма мемуарной литературы как роман-хроника (И. Салахов «Колыма хикәяләре»), где сюжет подчиняется воле повествователя и общему поступательному движению времени, введение дополнительных эпизодов тематических линий обуславливает временную инверсию - свободное чередование разновременных пластов.

3. В 80-е годы XX века в рамках татарской «лагерной прозы» намечается сближение мемуаристики с художественным обобщением. В этих произведениях на первый план выходит такая жанровая форма мемуарной литературы как роман-воспоминание, где в повествование вводятся элементы беллетризации, усиливается динамика сюжетного развития, движение памяти автора характеризуется обращением к глубинным пластам прошлого, сохраняющим при этом достоверность первоосновы (А. Гилязов «Йәгез, бер дога!»).

4. В 90-е годы XX века в «лагерной прозе» актуализируется жанр классического романа, где воссоздается процесс духовного становления личности главного героя, посредством создания широкой общественной панорамы 1930-60-х гг. XX века. Сюжетные линии в романе-трилогии разворачиваются вокруг одного центра - художественного образа главного

героя, который находится в поисках себя и вступает в конфликт с обществом (Г. Тавлин «Афэт»).

5. Татарской «лагерной прозе» второй половины XX века свойственна эволюция типов главного героя, соотносимая в общем виде с изменением эстетических взглядов писателей. В романе-хронике автор активно заявляет о себе не только как рассказчик и комментатор, он оказывается главным действующим лицом широко развернутого автобиографического сюжета, охватывающего практически всю его жизнь. Роман-воспоминание характеризуется полифункциональностью образа автора, который выступает как создатель художественного целого и как участник описываемых событий, становясь главным действующим лицом произведения. В романе-трилогии формируется положительный герой трагической эпохи, воплотивший идеал настоящего человека, и создается оригинальный образ «героя-интеллекта», объединившего в себе художественное и автобиографическое начала.

6. Композиционный строй и выбор художественных средств изобразительности в татарской «лагерной прозе» обусловлены желанием авторов представить трагедию личности в историческом масштабе как судьбу целого поколения. Психологический анализ, лирические отступления, система интертекстуальных отсылок к произведениям устного народного творчества, классиков литературы, обращение к текстам исторических документов являются основными приемами произведений «лагерной прозы».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых изданиях, утвержденных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Габидуллин Р.Р. Реальные личности в произведении И. Салахова “Колымские рассказы” / Р.Р. Габидуллин // Учен. зап. Казан. Ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. - Т. 150, кн. 8. - С. 36-41.

II. Статъи, опубликованные в сборниках и научных изданиях:

2. Габидуллин Р.Р. Ирекле шәхесләр илгә кирәкме? / Р.Р. Габидуллин // Научные записки - 2007. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. - С. 59 - 66.
3. Габидуллин Р.Р. Фаҗига (Г. Тавлинның “Афәт” романы турында) / Р.Р. Габидуллин // Научные записки - 2006. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. - С. 97 - 102.
4. Габидуллин Р.Р. Шәхес культы һәм Сталин режимының зыялылар язмышында рәхимсез чагылышы / Р.Р. Габидуллин // Милли мәдәният. – 2008. – №17. – Б. 15 – 22.
5. Габидуллин Р.Р. И.Салаховның “Колыма хикәяләре” фаҗига-хроникасында явызлыкның “иректә”ге тормышта да дәвам итүе / Р.Р. Габидуллин // Фән һәм тел. – 2009 - №1. – Б. 29 – 34.